

Важный спор

Автор: Глинка Федор Николаевич

ВАЖНЫЙ СПОР

(Аллегория)

Северные цветы на 1832 год

М., "Наука", 1980

Над одним из холмов Алаунских, около полуночи, в первых числах апреля 17... года свирепствовала весенняя непогода. Ветер бушевал и, с свистом переменяя направление, налетал на вершину, срывал глыбы рыхлого снега и разносил их далеко по воздуху. Вообще казалось, что силы неприятельские нападают на какую-нибудь высоту и домогаются взять ее приступом. Запоздалые поселяне, скользя на длинных санях своих по снежным пустыням, с суеверною робостью прислушивались к вою и перекатам бури и говорили между собой: "Это весна спорит с зимою". Люди более образованные, вслушиваясь внимательно и посматривая сквозь оконные стекла освещенных зал, приписывали этот шум и тревогу спору стихий. Но смиренный житель ближнего монастыря, инок, в полном смысле слова имевший простое око, видел далее и более. Пред ним разоблачился верх горы; он усмотрел двух духов -- черного и белого. Шум, разносившийся в холодном воздухе, происходил от их жаркого спора. Предметом их прения было домашнее занятие людей. Нравы изменялись. То, что веселило дедов, не нравилось внукам. Новое поколение пошло совсем новым путем. Рассуждали, чем занять его? Много прекрасного предлагал белый. Он говорил о пользе набожности, о сладости молитвы, о возвышенных умственных занятиях, о порядке, радующем душу, о тихих семейных беседах, о высоком удовольствии бдеть, трудиться при свете ночной лампы, для блага общества, для счастья своей страны. Но черный хохотал (и этот хохот повторялся эхом гор, как буря!) и кощунствовал, ни на что не соглашаясь. В свою очередь, и черный предлагал все, что льстило крови и плоти, что составляло вожделение очей, что ласкало чувства, нравилось чувственности. Белый с негодованием отвергал его предложения, вредные для тела, губительные для души. Наконец они остановились на одном, согласились ли, нет ли, но спор прекратился. "Пусть так! -- сказал белый,-- только бы не делали чего-нибудь худшего!" -- "Пусть так! -- сказал черный,-- только бы не делали чего-нибудь лучшего!" С тех пор, хотя время было то же, но проводить его стали иначе. Уже колокол предраассветный не возбуждал от сна к молитве утренней. Хотя в темноте ночи, сквозь решетчатые окна храмов, сияло изнутри золотистое освещение, но им никто не любовался, оно никого не манило. Трепетно-зыблющийся свет восковой свечи уединенно мелькал на золотом окладе иконы, на жемчугах и камнях самоцветных, принесенных некогда набожностью в дань ликам святых. Священник один, с небольшим причетом, совершал моление: голос его звучал в пустых сводах, благословение улетало на воздух или принималось было малою дружиною убогих калек и престарелых прихожан. Где же счастливыцы мира? где жители палат? где люди высшего разряда? Им некогда молиться. Они трудились долго за полночь, и справедливость требует, чтобы им дозволили почивать до полудня. Не стало разговора, исчезли усладительные собеседования, почти перестали читать книги. Когда им разговаривать? когда беседовать? когда читать? Что же они делают? Рассматривают ли природу, состав земли, течение звезд; или занимаются изысканием средств к устройству человеческого общества, к мирному и безбедному житию; или изыскивают способы удобрения полей, украшения сел; или заботятся об улучшении упадающей нравственности? Нет! нет! нет! Сидя, часто день и ночь, за зелеными четверугольниками, они преважно раздают друг другу лоскутки наклеенной бумаги, размалеванные

условными знаками, и фигурами, и более ничего не делают, ни о чем не размышляют. Одним словом: они играют, играют, играют! Время бежит; жизнь проходит... Они сидят, как заколдованные, как восковые истуканы, ничего не требуют, ничем не трогаются; по временам только обнаруживается в них жизнь вспышками зависти, косыми взглядами и немногими отрывистыми, жесткими словами; потом опять все замолкают; молча друг друга проводят, берут взятки, и все играют, играют, играют. И часто, если верить прозорливцам, в этих живых, иолумеханических обществах видят белого и черного духа. Первый, глядя уныло, как безумно теряют, как спокойно губят драгоценнейшее благо -- время, говорит, почти сквозь слезы: "Как же быть! только не делали бы чего-нибудь хуже!" Другой, весело потирая свои косматые, черные руки, с презрительною насмешкою повторяет: "Пусть так! только не делали бы чего-нибудь лучше!"

Федор Глинка.

Примечания

Рецензент "Северной пчелы" писал об этом произведении: "Род, избранный сим писателем (Ф. Н. Глинкой.-- Л. Ф.), не многим нравится, хотя во всех его аллегориях есть и мысли и чувствования, прикрытые иногда темным, а иногда и вовсе непроницаемым покровом" (1832, No 19).